

УДК 82-343.4

*Н. И. Ефимова, Е. А. Плотникова**Марийский государственный университет, Йошкар-Ола***ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН ЖАНРА СКАЗКИ
(ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ И ФОРМЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
В ПРОЗЕ МОЛОДЫХ АВТОРОВ)**

В центре внимания данной статьи – особенности интерпретации жанра сказки представителями молодежных сообществ (толкинисты, поттеристы, геймеры) и начинающими писателями – лауреатами премии «Дебют» в номинации «Малая проза» (2009–2014 гг.). В молодежной культуре сегодня жанр фольклорной сказки используется как один из способов жанрообразования, создания на ее основе собственных повествовательных моделей. В творчестве самодельных авторов фольклорные универсалии могут сохранять свою традиционную природу, а могут и претерпевать различного рода трансформации. Особое место среди них занимают так называемые «обращения» (своеобразное отталкивание от образца, придание ему противоположного смысла и значения), изучение которых позволяет установить, как/каким образом то или иное сообщество интерпретирует тот или иной сказочный код, склонно ли оно к восстановлению или разрушению традиций «исходной» культуры. В сказочных повествованиях начинающих писателей Алисы Ганиевой и Евгения Бабушкина обнаруживаются как традиционные (использование сюжетов, мотивов, отдельных структурных моделей и составляющих образов-персонажей и др. собственно фольклорных сказок), так и инновационные элементы (характер соотношения заголовков и подзаголовков, трактовка двоemiрия как свойства сознания ребенка в целом, использование приемов остранения, и некоторые другие). Продуктивным приемом создания собственно молодежной литературной сказки, как показал анализ «Странных сказок» А. Ганиевой и «Сказок для бедных» Е. Бабушкина, является погружение ее героев в современную действительность, в результате чего, как считают многие современные исследователи, и возникают особого рода отношения между популярной культурой и литературой и фольклором; в данном случае массовая культура рассматривается как «современный аналог фольклора, городского эпоса и мифа».

Ключевые слова: сказка, фольклор, современная литература, молодежные сообщества, традиция, трансформация

На рубеже XX–XXI веков в центре внимания представителей разных видов современного искусства (литературы, кинематографа, театра, мультипликации и анимации, компьютерных игр) вновь оказывается феномен сказки. И это не случайно. По мнению современных исследователей, именно «сказка, наряду с мениппеей, открывает широкие возможности для жанровых экспериментов и эстетических игр» [9, с. 43]. В литературе к сказке обращаются представители как элитарной (в отечественной традиции, например, Татьяна Толстая и Людмила Петрушевская и др.), так и массовой культуры, и прежде всего, разных видов фэнтези, ибо в основе данного вида литературы находятся традиции мифа и волшебной сказки (блестящие опыты Толкина, Роулинг, их последователей в европейской и славянской литературах). В кинематографе предпринимаются попытки возвращения к истокам сказочной фан-

тастики – обряду инициации («Братья Гримм», 2005 г., реж. Т. Гиллиам). В последние годы также появился ряд кинопроектов, которые нельзя считать экранизацией какой-либо конкретной сказки или фэнтези-произведения. Сценарии их эклектичны, задействованы в них самые разнообразные сюжеты, одновременно встречаются аллюзии из классики и т. п. К таким проектам можно отнести фильм «Книга мастеров» (2009 г., реж. В. Соколовский) и ряд других. В отечественном театре опыт интерпретации народных и литературных сказок предложен коллективами Театра наций и московского молодежного театра. В анимации и мультипликации обратили на себя внимание в целом талантливые пересказы былинных сюжетов и сказок (например, «Иван Царевич и Серый Волк», 2011 г., реж. Вл. Торопчин, проект «Гора самоцветов», 2005 г., рук. А. Татарский). В индустрии компьютерных игр действительно

большой популярностью пользуются интерпретации всемирно известных сказочных сюжетов, как литературного, так и фольклорного происхождения, например, проекты компании Elephant Games, выпущенные в 2013–2015 гг. (Christmas Stories: Nutcracker; Detective Quest: The Crystal Slipper; Christmas Stories: Pussin Boots («Рождественские истории: Щелкунчик»; «Детективный квест: хрустальная туфелька»; «Рождественские истории: Кот в сапогах»).

Принципиально важно, как справедливо отмечает Т. А. Золотова, что в творчестве самодельных авторов сказка фигурирует и в качестве своеобразной структурной модели (матрицы, порождающей тексты), и в качестве самостоятельного жанра [7]. Отсюда и разнообразие типов связей вербального творчества молодежных сообществ со сказкой. При этом характер этих взаимодействий напрямую соотнесен с особенностями так называемого генератора субкультуры/сообщества. Вербальное творчество поклонников культовых книг, по мнению исследователей, соотносится с фольклорными сказочными моделями посредством текста оригинала (источника) [1]. Другими словами, фанаты Толкина, Роулинг и др. ориентированы не на какую-то определенную сказочно-мифологическую основу, а на тот ее субстрат, который предложен автором культового произведения. В таком случае фольклорные универсалии, используемые ими, могут сохранять свою традиционную природу, а могут и претерпевать различного рода трансформации. Особое место среди них занимают так называемые «обращения» (своеобразное отталкивание от образца, придание ему противоположного смысла и значения). Среди них – снижение образов сакральных для канона фигур, участие их в сценах эротического плана и, наоборот, приобретение отрицательным персонажем черт романтического героя, возможно их (положительных и отрицательных персонажей) слияние вплоть до полного отождествления (змееборец и есть дракон) [1]. В свою очередь изучение таких обращений позволяет установить, как/каким образом то или иное сообщество интерпретирует тот или иной сказочный код, склонно ли оно к восстановлению или разрушению традиций «исходной» культуры. Представляется, что по отношению к последней поклонники культовых книг относятся все-таки лояльно и склонны сохранять ценности извне: так, например, большей популярностью и уважением в субкультуре «Поттер» пользуются фанфики-продолжения, в которых традиции текста Роулинг поддержи-

ваются, тогда как пародийные произведения, хотя и вызывают любопытство, но расцениваются как побочный продукт [5]. В то же время в субкультурах к соотношению в рамках культовых книг собственно национальной традиции, кодов других культур и характеру их интерпретации относятся по-разному. Толкинисты, например, в отличие от поттеристов, «работают» не только с текстом канона (Дж. Р. Толкин), но и с традицией британской сказки в целом, обнаруживая в ряде случаев и завидное ее знание, и способности к интерпретации [5]. В целом же фанаты (как отечественные, так и иностранные) предпочитают, если можно так выразиться, мифологическую эклектику, смело воссоздавая на страницах одного и того же произведения «фольклорных» и «сказочно-мифологических» персонажей с чертами внешности/характера, заимствованными из разных культур. Однако и такая возможность, равно как и опора на универсальные фольклорные архетипы, заложена в оригинальных произведениях культовых авторов [5].

Особенно ярко данное явление представлено в сообществе геймеров. Разработчиков компьютерных игр не только не смущает, но даже по-своему вдохновляет тот факт, что используемые ими сказочно-мифологические реалии принадлежат к разным эпохам и культурам, являются актами творчества и коллектива, и отдельного человека. К настоящему моменту некоторые из них уже действительно в совершенстве овладели принципом инволюции, или свертывания культурного текста, превращения его в микроформу, микромодель [6]. Именно сказка, по мнению разработчиков подобных проектов, позволяет практически мгновенно переносить героя из одной игровой локации в другую, населять локации новыми персонажами, задавать самые невероятные, но в то же время естественные с позиций особой сказочной логики задачи, а также, по мере движения «сюжета», усложнять их.

Активное включение фольклорных текстов в функциональное поле искусства также является одной из любопытных тенденций современного литературного процесса. Именитые писатели и начинающие авторы экспериментируют в своем творчестве, создавая большое количество переходных (от элитарной к массовой, от традиционной к массовой и т. п.) форм. Особенно ярко это проявляется в литературной сказке. Как отмечают исследователи, «литературная сказка вступает в глубокое взаимодействие с литературной традицией, с другими жанрами, получая, таким образом, возможность

окрашивать в свойственные ей тона отнюдь не сказочные произведения и устанавливать с ними подвижную, динамическую связь» [9, с. 44].

Именно поэтому представители отечественной молодежной прозы XXI века охотно обращаются к данному жанру в своем творчестве. Так, лауреат ряда современных российских литературных премий («Дебют» в номинации «Открытие года», «Триумф» и др.) Алиса Ганиева – автор прозаических произведений в широком диапазоне жанров (от критических статей до романов) – в 2011 году создает сборник «Странные сказки», в который вошли повествования, созданные и опубликованные ею на страницах «Независимой газеты» (2008–2011 гг.). А финалист конкурса молодой драматургии «Любимовка», лауреат «Дебюта» в номинации «Малая проза» (2012 г.) Евгений Бабушкин – рассказы «Сказки для бедных», ошибочно названные критиками «Зимними сказками» (по первому из них) [10].

В сказках А. Ганиевой прежде всего ярко и убедительно представлена современная российская действительность, «герои действуют в узнаваемых социальных ситуациях и типовой обстановке, сталкиваясь с проблемами, близкими массовому читателю» [13, с. 286]. Ключевые моменты развития действия, важные с точки зрения характеристики персонажей, происходят в современных учреждениях: больницах («Акучи-макучи»; «Мокрые ноги»), полицейских участках и стройке («Мальчик с желтым лицом»), магазинных складах («Кругосветное путешествие»), общественном транспорте («Говорящие вещи», «Мальчик с желтым лицом»), детских садах («Девочка-ниточка», «Мокрые ноги»), школах («Маруся-красавица») и т. п.

Вместе с тем автор сохраняет и важнейшие жанровые признаки волшебных сказок, одновременно творчески перерабатывая широко распространенные сюжеты и мотивы. В первую очередь обращает на себя внимание мотив возвращения героя после приключения (301 *С СУС): после долгих странствий возвращаются домой мальчик Костя со своим плюшевым медведем («Кругосветный медведь»); вдоволь вкусив самостоятельной и независимой жизни, капризная девочка Марина («Мокрые ноги»); мальчик с желтым лицом, которого нарекли «духом песка» [4, с. 18] («Мальчик с желтым лицом») и др.

Отдельные элементы традиционных сюжетов встречаются также в сказках «Мокрые ноги», «Девочка и свет», «Смех в лесу», «Хапу и Харт» и др. Например, в сказке «Мокрые ноги» можно

выделить в качестве основного мотив Путешествие к судьбе (счастью, солнцу) (460В СУС): героиня уходит из дома в никуда с желанием обрести счастье и покой; в качестве осложняющих действия – Чудесный мальчик (*671I СУС) и Чудесные дети (707 СУС). Составляющая сюжета Лесной дом (431 СУС) является одним из главных компонентов, с помощью которого герои находят искомое, в сказочных повествованиях «Смех в лесу», «Хапу и Харт». В свою очередь юная героиня сказки «Девочка и свет» обладает примечательной внешностью: «когда она заходила в комнату, комната сразу освещалась» [4, с. 5].

В «Странных сказках» проявляется такая особенность детского сознания, как особое отношение героев к чудесному. Т. В. Зуева, исследуя указанную категорию в детском фольклоре, выделяет интуитивно выраженную в сознании ребенка идею двоимирия [8, с. 147–148]. Например, в сказке «Вася, Гера и золотая тетя» встреча «несказочного» [4, с. 27] мальчика Васи и сказочной «доброй тети <...> в золотом платье» [4, с. 27], у которой «есть хрустальный дворец, и серебряные павлины, и говорящие фонтаны» [4, с. 27], происходит в продуктовом магазине и воспринимается обоими как само собой разумеющаяся. А в сказке «Акучи-макучи» главный герой мальчик Миша не только побывал в волшебной стране, но и научился разговаривать на ее языке [4, с. 8]. Буквальная вера в чудесное спасает и помогает героям найти выход из сложных ситуаций («Девочка-ниточка», «Мокрые ноги», «Хапу и Харт»).

Волшебство в сказках Алисы Ганиевой (аналогично у Петрушевской) имеет детскую мотивировку, оно как бы изначально присуще ребенку, составляет неотъемлемую часть его существования и сознания. Например, в сказке «Мамы и папы» главный герой усаживается на кровать и думает: «когда же начнется волшебство. Дело в том, что в сказках очень часто происходит волшебство, и Тиша надеялся, что с ним тоже что-нибудь подобное случится» [4, с. 4]. В сказке «Акучи-макучи» волшебство прорывается через язык, на котором вдруг заговаривал ребенок и который не понимают взрослые, а в сказке «Говорящие вещи» обнаруживается в способности опять же ребенка слышать и понимать язык предметов, природы (важнейший мотив сказочного сюжетного типа «Язык животных» СУС 670, «Три языка» СУС 671, также СУС 672D*, СУС 673 и типа «Хитрая наука» СУС 325).

Своеобразна природа волшебного и в сказке «Новогодняя радость». В ней ребенок исчезает,

превращается в пыль (своеобразная реализация идиомы «сотру в порошок»), но не по своей воле, а, скорее, реализуя тайное и бессознательное желание своих родителей. Вот почему так горько окрашена в финале сказки «радость» родителей (ребенок вырос в новогоднюю ель, которую они и украсили игрушками).

Погружает своих персонажей в современную действительность и Евгений Бабушкин («Сказки для бедных», 2012) [3]. Только действительность эта на редкость мрачная, более того ужасающая. По мнению исследователей, и с этим нельзя не согласиться, в сказках Бабушкина «очень точно передана атмосфера безнадежного пригорода, вечной окраины» [14]. Сам Евгений Бабушкин считает, что он работает в направлении «новой пролетарской прозы». Герои его сказок, независимо от того, есть у них работа или нет, как правило, очень бедные люди и как бы даже без намека на внутренний мир. Автор уверен, что никто из них не виноват в том, что так бездуховна и безрадостна их жизнь, более того, они и не подозревают, в каком кошмаре существуют. «Столкновение чудовищной социальной реальности и сказочного, доброго языка, дарующего надежду и всепрощение, – вот что ставит Евгений Бабушкин главной своей целью. Это девять очень коротких текстов, яркие образцы концентрированной прозы, почти поэзии. Отсюда и модель его новой пролетарской литературы: страшная правда об обществе – фон, а на первом плане – музыка поэтического языка» [14].

В «Сказках для бедных» Е. Бабушкин, как и А. Ганиева, использует некоторые традиционные для сказки мотивы и образы. Но в каждом отдельном случае трансформирует их. Так, если в фольклорной сказке обязателен мотив пути, в ходе которого герой преодолевает препятствия или проходит испытания (своеобразный квест), то у Бабушкина героев испытывает сама жизнь, и далеко не все из них выдерживают ее напряжение («Так до сих пор и не решили. Так они и стоят до сих пор. Так и стоят» [3]). Однако, несмотря на то что герои Бабушкина не справляются с испытанием, практически все его сказки имеют позитивный финал («...и, кстати, уже весна, не то чтобы стало уже тепло или зелено, но пахнет весной»; «Но есть Одри Хепберн. Она есть»; «Петр подумал: вот, наверно, его дома ждет сестра, вот, наверно, обрадуется, вот, наверно, будет хоть один день веселья...» [3]).

В произведениях Бабушкина присутствуют и близкие к сказочным формулы («Когда-то кто-то»; «Жили три брата. Вместе учились, вместе не выучились»). Со сказочной традицией можно

соотнести и тот факт, что произведения молодого автора начинаются со своеобразной присказки, несущей определенную мысль-поучение («Бедному горе, безрукому каша без ложки, а одинокому полторы матрешки» [3]).

Имеются и существенные различия: в сказке существуют два мира: реальный и ирреальный (волшебный), грань между которыми преодолевает герой. У Бабушкина мир один – реальный, но на грани с абсурдом [см. об этом подробнее: 11]. В волшебной сказке герою часто сопутствует и помогает волшебный помощник. Здесь помощники «наоборот» (наемный убийца Гайка, который любит, чтобы все было по правилам; похожий на странного ребенка Грисюк, убивающий одного из трех братьев, и др.).

Таким образом, в молодежной культуре сегодня можно выделить несколько направлений, в которых достаточно продуктивно используется жанр фольклорной сказки. Это и один из способов жанрообразования, создания на ее основе собственных повествовательных моделей (в частности, одним из таких способов является «обращение»: «сказки» толкинистов и поттеристов, «сказки наоборот» Евгения Бабушкина и др.). Вместе с тем продуктивным приемом создания собственно молодежной литературной сказки является погружение ее героев в современную действительность, причем диапазон изображения реалий жизни в них довольно широк – от гламурных бутиков к неприглядной действительности городских окраин; именно на этом уровне, по мнению современных исследователей, и возникают особого рода отношения между популярной культурой и литературой и фольклором; в данном случае массовая культура рассматривается как «современный аналог фольклора, городского эпоса и мифа» [13, с. 286].

Конкретно в сказках А. Ганиевой и Е. Бабушкина обнаруживаются как традиционные (использование сюжетов и мотивов собственно фольклорных сказок, отдельных структурных моделей и составляющих образов-персонажей, волшебных средств и предметов и др.), так и инновационные элементы (характер соотношения заголовков и подзаголовков, трактовка двоемирия как свойства сознания ребенка в целом, использование приемов остранения, и некоторые другие).

1. Абукаева А. В., Золотова Т. А. Универсальные коды и мотивы молодежной культуры (на материале змеборческих сюжетов толкинистов // Мировая классика и молодежная культура. Йошкар-Ола, 2013. С. 78–84.

2. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: ГРГО, 1929. 119 с.
3. Бабушкин Е. Сказки для бедных. 2012. URL: http://thankyou.ru/upload/clients/evgeny_babushkin/books/skazki_dlja_bednih/read/?cb=1427949195.7972 (дата обращения: 11.04.2015).
4. Ганиева А. Странные сказки. URL: http://mirknig.mobi/data/2014-01-16/1428335/Ganieva_Strannnye_skazki.1428335.pdf (дата обращения: 24.02.2015).
5. Ефимова Н. И., Золотова Т. А. К вопросу о фольклорной основе «антигероев» в современной английской литературе // *Мировая классика и молодежная культура*. Йошкар-Ола, 2013. С. 66–77.
6. Ефимова Н. И., Золотова Т. А. Литературные и фольклорные аллюзии в компьютерной игре // МП. 2010. Сборник в честь М. П. Чередниковой. М.: Лабиринт, 2010. С. 58–64.
7. Золотова Т. А. Вербальное творчество молодежных сообществ // *Мировая классика и молодежная культура*. Йошкар-Ола, 2014. С. 21–27.
8. Зуева Т. В. Категория чудесного в современном повествовательном фольклоре детей // *Проблемы интерпретации художественных произведений: межвузовский сборник научных трудов*. М.: МГПИ, 1985. С. 131–148.
9. Маркова Т. Н. Эволюция жанров в прозе конца XX века // *Современная русская литература конца XX – начала XXI века*. М.: Академия, 2011. С. 32–57.
10. Носкова Е. А. Виртуальное интервью с Е. Бабушкиным в социальной сети «ВКонтакте» // «ВКонтакте». 02.04.2015. URL: <http://vk.com> (дата обращения: 02.04.2015).
11. Носкова Е. А. Внимание к человеческим «атомам» (на материале сказок Евгения Бабушкина) // *Мировая классика и молодежная культура: научно-методическое пособие*. Йошкар-Ола, 2015. С. 50–56.
12. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.
13. Черняк М. А. Массовая литература XX века. М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.
14. Юдаев А. Лауреат премии «Дебют» Евгений Бабушкин: «Жизнь моих героев мрачная, как у подавляющего большинства людей» (интервью с Е. Бабушкиным) // *Аргументы и факты*. 13.12.2012. URL: <http://www.spb.aif.ru/culture/event/135897> (дата обращения: 11.04.2015).

Статья поступила в редакцию 29.12.2015 г.

Для цитирования: Ефимова Н. И., Плотникова Е. А. Эстетический диапазон жанра сказки (фольклорные сюжеты и формы их интерпретации в прозе молодых авторов) // *Вестник Марийского государственного университета*. 2016. № 1 (21). С. 94–99.

Об авторах

Ефимова Наталья Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, lit-margu@yandex.ru

Плотникова Екатерина Андреевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, lit-margu@yandex.ru

N. I. Efimova, E. A. Plotnikova

Mari State University, Yoshkar-Ola

AESTHETIC RANGE OF THE GENRE OF FAIRY TALE (FOLKLORE PLOTS AND FORMS OF THEIR INTERPRETATION IN YOUNG AUTHORS' PROSE)

The article focuses on how genres of fairy tale are interpreted by representatives of youth communities and subcultures (Tolkien's fans, Potter's fans, gamers) and by beginning authors – prizewinners of the Debut award in the Short Prose nomination (2009–2014). In youth culture the genre of folk fairy tale is used as one of the ways to create a new genre, a unique narrative pattern (“fairy tales” by Tolkien’s fans and potterheads, “fairy tales other way round” by Evgeny Babushkin, etc.). In works by amateur writers folklore archetypes can either maintain their traditional character or be transformed. Notable among them are the so-called “transformations” (a traditional pattern is transformed until it becomes the opposite in meaning). Studying such transformations lets the researcher understand how this or that community interprets codes of fairy tales and if the community tends to reconstruct or destroy the traditional pattern. In fairy tale narrations by the beginning authors Alice Ganieva and Evgeny Babushkin one comes across both traditional elements (plots, motives, separate structural models and constituents of characters of folk fairy tales) and novel elements (connection of titles and subtitles, idea of a child’s perception of two worlds as a natural way of accepting things in childhood, artistic device of isolation, etc.). An efficient way to create the youth literary fairy tale is to immerse its characters into the modern reality – that is where specific relations between popular culture and literature and folklore emerge. In this case mass culture is regarded as “a modern analogue of folklore, urban epos and myth”.

Keywords: fairytale, folklore, modern literature, youth communities, tradition, transformation

1. Abukaeva A. V., Zolotova T. A. Universalnye kody i motivy molodezhnoj kul'tury (na materiale zmeborcheskih sjuzhetov tolkinistov [Universal codes and motives of youth culture (based on dragon fighter stories of Tolkien fandom)]. *Mirovaja klassika i molodezhnaja kul'tura* = World Classics and youth culture. Yoshkar-Ola, 2013, pp. 78–84.

2. Andreev N. P. Ukazatel' skazochnyh sjuzhetov po sisteme Aarne [Aarne – Thompson fairy tale stories classification systems]. L.: GRGO, 1929, 119 p.

3. Babushkin E. Skazki dlja bednyh [Fairy tales for the poor]. 2012. URL: http://thankyou.ru/upload/clients/evgeny_babushkin/books/skazki_dlja_bednih/read/?cb=1427949195.7972 (data obrashhenija: 11.04.2015).

4. Ganieva A. Strannye skazki [Strange fairy tales]. URL: http://mirknig.mobi/data/2014-01-16/1428335/Ganieva_Strannye_skazki.1428335.pdf (data obrashhenija: 24.02.2015).

5. Efimova N. I., Zolotova T. A. K voprosu o fol'klornoj osnove «antigeroev» v sovremennoj anglijskoj literature [On the question of folk base of “anti-heroes” in modern English literature]. *Mirovaja klassika i molodezhnaja kul'tura* = World Classics and youth culture. Yoshkar-Ola, 2013, pp. 66–77.

6. Efimova N. I., Zolotova T. A. Literaturnye i fol'klornye alljuzii v komp'yuternoj igre [Literary and cultural allusions in computer games]. MP. 2010. Sbornik v chest' M. P. Cherednikovoj = Edition in honor of M. P. Cherednikova. M.: Labirint, 2010, pp. 58–64.

7. Zolotova T. A. Verbal'noe tvorchestvo molodezhnyh so-obshhestv [Verbal creativity of youth communities]. *Mirovaja klassika i molodezhnaja kul'tura* = World Classics and youth culture. Yoshkar-Ola, 2014, pp. 21–27.

8. Zueva T. V. Kategorija chudesnogo v sovremennom povestvovatel'nom fol'klоре detej [Category of miraculous in a modern narrative folklore for children]. *Problemy interpretacii hudozhestvennyh proizvedenij* = Problems of interpretation of works of art: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. M., 1985, pp. 131–148.

9. Markova T. N. Jevoljucija zhanrov v proze konca HH veka [The evolution of genres in prose of the late twentieth century]. *Sovremennaja russkaja literatura konca XX – nachala XXI veka* = Modern Russian Literature of the late XXth - early XXIth century. M.: Akademija, 2011, pp. 32–57.

10. Noskova E. A. Virtual'noe interv'ju s E. Babushkinym v social'noj seti «VKontakte» [Virtual interview with E. Babushkin in the social network “VKontakte”]. «VKontakte». 02.04.2015. URL: <http://vk.com> (data obrashhenija: 02.04.2015).

11. Noskova E. A. Vnimanie k chelovecheskim «atomam» (na materiale skazok Evgenija Babushkina) [Attention to human “atoms” (based on the fairy tales by Eugene Babushkin)]. *Mirovaja klassika i molodezhnaja kul'tura* = World Classics and youth culture. Yoshkar-Ola, 2015, pp. 50–56.

12. Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov: Vostochnoslavjanskaja skazka [Comparative plot Index: East-Slavic fairy tales], sost.: L. G. Barag, I. P. Berezovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. L.: Nauka, 1979, 438 p.

13. Chernjak M. A. Massovaja literatura XX veka [Mass literature of the XXth century]. M.: Flinta: Nauka, 2009, 432 p.

14. Judaev A. Laureat premii «Debut» Evgenij Babushkin: «Zhizn' moih geroev mrachnaja, kak u podavljajushhego bol'shinstva ljudej» (interv'ju s E. Babushkinym) [Eugene Babushkin, winner of the “Debut” award, “Life my heroes grim as the life of the vast majority of people” (Interview with E. Babushkin)]. *Argumenty i fakty* = Arguments and Facts. 13.12.2012. URL: <http://www.spb.aif.ru/culture/event/135897> (data obrashhenija: 11.04.2015).

Submitted 29.12.2015.

Citation for an article: Efimova N. I., Plotnikova E. A. Aesthetic range of the genre of fairy tale (folklore plots and forms of their interpretation in young authors' prose). *Vestnik of Mari State University*. 2016, no. 1 (21), pp. 94–99.

About the authors

Efimova Natalia Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, lit-margu@yandex.ru

Plotnikova Ekaterina Andreevna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Mari State University, Yoshkar-Ola, lit-margu@yandex.ru